

УДК 811.161.1' 06

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРОНИЧЕСКОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. ДОНЦОВОЙ)

Е.В. Богучарская, Л.З. Подберезкина

Статья посвящена анализу языковой рефлексии в популярном жанре массовой литературы – современном ироническом детективе. На материале произведений Дарьи Донцовой объясняются причины повышенного внимания автора к оценке языковых фактов, рассматриваются формы проявления и объекты языковой рефлексии – языковая игра, профессиональные разновидности языка и жаргоны, речевые ошибки носителей языка, использование нецензурных выражений, а также выявляются функции рефлексивных текстов в авторском повествовании – создание комического эффекта, привлечение внимания определенной целевой аудитории, воспитание читателя, характеристика персонажа.

Ключевые слова и фразы: *современный иронический детектив; языковая рефлексия; языковая игра.*

LINGUISTIC REFLECTION IN THE MODERN IRONIC DETECTIVE STORY (ON WORKS OF D. DONTSOVA)

E.V. Bogucharskaya, L.Z. Podberyozkina

This article analyzes linguistic reflection in a popular genre of mass literature – a modern ironic detective story. The causes of author's attention to appreciation of linguistic facts are explained, forms and objects of the linguistic reflection – linguistic game, professional types of language and jargons, mistakes of native speakers, using of obscene expressions are considered on works of D. Dontsova. Besides the functions of the reflective texts in the author's narrative are identified. These are to create a comic effect, to draw attention of certain target audience, to educate readers, to give a characteristic of a character.

Keywords and phrases: *a modern ironic detective story; linguistic reflection; linguistic game.*

Цель данной статьи – выявить объекты и описать особенности языковой рефлексии в жанре современного иронического детектива на материале произведений Д. Донцовой.

Под термином «иронический детектив» мы понимаем жанровую разновидность детектива, для которой характерно введение двух сюжетных линий: собственно расследования, значительная доля успеха которого обусловлена не интеллектом главной героини, а случаем, и линии ее личной жизни, наполненной нелепыми бытовыми событиями. Н. А. Купина выделяет следующие признаки иронического детектива: 1) использование в тексте различных средств комического; 2) занимательность; 3) обращение к «перевернутым» (алогичным) причинно-следственным отношениям, которые могут лежать в основе построения фабулы и определяют текстовую иронию; 4) тяготение к элементам бытовой коммуникации; 5) особая роль повествователя, выступающего субъектом

иронической оценки (или самооценки) [Купина 2009: 158]. Кроме того, для текстов данного жанра характерен принцип одновременного отождествления читателя с главной героиней и «самоутверждающего дистанцирования», сочетания релаксирующей, рекламной и дидактической функций [Богучарская 2013].

Языковая рефлексия, по определению Т.В. Шмелевой, – это осознание, осмысление собственного языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и его отдельных языковых фактов. Она определяет особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом [Шмелева 2003: 810]. Языковая рефлексия в той или иной степени свойственна всем носителям языка, особенно развита она у писателей и тем более поэтов, чьи высказывания представляют большую ценность и могут значительно повлиять на речевую практику и нормализацию языка.

Жанры массовой литературы в данном ключе не рассматривались. Несмотря на базовые установки на коммерциализацию («сведение различных ценностей к денежному эквиваленту», отсюда книга как товар) и стандартизацию («стираются индивидуальные различия между людьми посредством стандартизации желаний, форм самовыражения и коммуникативных действий» [Карасик 2013: 34]), обуславливающие появление псевдохудожественных текстов, в иронических детективах Донцовой имеется большое количество примеров языковой рефлексии, представленных чаще всего авторским комментарием.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины повышенного внимания автора к оценке языковых фактов. Во-первых, личность самой Дарьи Донцовой, которая согласно официальной биографии воспитывалась в интеллигентной семье (ее отец был писателем), окончила факультет журналистики МГУ, долгое время работала переводчиком с французского языка. Во-вторых, рефлексивы (метаязыковые комментарии) характеризуют главных героев, среди которых почти все имеют высшее филологическое образование: Даша Васильева (серия книг «Любительница частного сыска») и Виола Тараканова (серия «В мире преступных страстей») – переводчики, Иван Подушкин (серия «Джентльмен сыска») – писатель, окончивший Литературный институт, Татьяна Сергеева (серия «Детектив на диете») и Степанида Козлова («Любимица фортуны») по специальности преподаватели русского языка и литературы. Немного отличается от них Евлампия Романова (серия «Следствие ведет дилетант»), окончившая консерваторию по классу арфы. Таким образом, автор, выражающий свое мнение устами героев, хорошо понимает актуальные для конца XX

– начала XXI вв. языковые процессы демократизации, криминализации, глобализации языка и др.

В произведениях Донцовой представлены рефлексивы, связанные с различными аспектами использования языковой игры, а также дающие оценку деминутивной и инвективной лексике, функционально-стилевым разновидностям языка (профессиональным подъязыкам и жаргонам), речевым ошибкам носителей и другим языковым фактам.

Наибольшую группу представляют авторские рефлексивные тексты по поводу различных видов языковой игры, например, создания окказиональных слов: *Заинтересовавшись, я уткнулась глазами в листочки, написанные крупным, похоже, детским почерком. “Следует помнить, что в случае заражения бешенством вы неминуемо умрете. Бацилла страшной болезни может попасть в организм в результате укуса, **обгрыза** или **ослюнения**”*. *Не сдержавшись, я захохотала в голос. – Чего там? – заинтересовалась Зайка. – Да вот, увидела доселе неизвестные слова – “обгрыз” и “ослюнение”* (Д. Донцова. Бассейн с крокодилами); *– Не-ет! – завела Аня. – Оглянитесь! Геннадий тоже в пятнах, и рот у него **утеночий**. Слово “утеночий” развеселило меня* (Д. Донцова. Развесистая клюква Голливуда).

Активно используются механизмы словообразовательной игры на уровне текста, например, прием создания предтекстовых номинаций: *– На ней указано “Баргузинский соболь”, значит, зверька поймали в **Баргузинии**? – Верно, – фыркнула Катя, – вам такой для похода за картофелем в самый раз. Я подавила улыбку. **Баргузин** – это ветер. Знаете песню “Славное море, священный Байкал”? В ней есть слова “Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалече”. Вот про баргузинского соболя ничего не скажу, никогда о нем не слышала, как и о стране Баргузинии* (Д. Донцова. Дьявол носит лапти).

Словообразовательная рефлексия автора может быть вызвана частым употреблением деминутивов: *сортирчик, супик, хлебушек, губочка и др. «Манера Верушки называть все окружающие предметы в ласкательно-уменьшительной форме стала меня раздражать»* (Д. Донцова. Лампа разыскивает Алладина).

В детективе «Но-шпа на троих» комичные ситуации из жизни личной героини построены на основе непонимания между носителями литературного языка и молодежного жаргона, создающими номинации на основе типичной для данной подсистемы словообразовательной модели на *–ово*. Приведем характерный пример (Евлампия Романова устраивается работать диджеем на молодежное радио «Бум»): *– Стул, – отозвался парень, оставшийся в комнате, – по-ейному, пригорок – **стулово, табуретово, креслово***. –

Ладись, – кивнула Лена, – царапай маралово.... похреначили на базар. Сядешь у визжалова...– Это что? – Микрофон, – элегически сообщил парень... – Еще сосалово достала и кусалово приволокла, – радостно возвестил Мотя... Я не поняла сочетание «лососевая щипалка» и спросила: – Это что?– Гитара.– Как струнный инструмент может быть связан с рыбой? Лена вытаращила глаза:– Чего? Мотя мгновенно перевела:– Ударялово и щипалово (Д. Донцова. Но-шпа на троих).

Н.А. Купина, анализируя данный роман, отмечает, что для текста «характерен прием иронического перевода жаргонизмов на литературный язык, связанный с их демегафоризацией и буквальным прочтением. Одновременно используется прием нагнетания жаргонизмов» [Купина 2009: 176]. Если же главные героини или их друзья в обычной жизни употребляют жаргонные слова, то обычно комментируют этот факт как исключительный: – *Угарно*, – от неожиданности я произнесла слово, которое никогда не употребляю (Д. Донцова. Белый конь на принце); – *Стебно*, – перешел на подростковый сленг Бурдюк, – а как самочувствие в целом? (Д. Донцова. Белый конь на принце); *Решив слегка попрактиковаться в разговорной речи, я кивнула:– Набашиляла хрустов. Лиза вытаращила глаза: – Эй, Лампа, ты чего? – Набашиляла хрустов. Так говорили у нас в консерватории студенты, которые, несмотря на строжайший запрет ректора, лабухали по кабакам. Вы теперь по-другому выражаетесь?* (Д. Донцова. Нош-па на троих).

Авторская рефлексия может быть связана с игровым противопоставлением номинаций части тела (*– Ну вы даете! – воскликнул он. – А если бы следом кто-нибудь ехал? В зад вам вломился бы!– Мне вломиться в задницу нельзя, – процедила я, – потому что моя мадам Сижу находится на сиденье, а ты сейчас быстренько отрывай свой окорок и вали отсюда!* (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло)), либо явлением игровой омонимии: – *Они тебе всю морду фломастерами извозюкали, которыми на стекле и металле рисовать можно! Теперь попотеешь, отдирая безобразие. Я обозрела обиженные “Жигули”, подобрала вывалившиеся из коробки кроссовки и буркнула: – Учитесь правильно выражать свои мысли! Пятна не на моей морде, а на капоте автомобиля* (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло). Взаимное непонимание значений омонимичных наименований лежит в основе эпизодов, обыгрывание которых носит комический характер. Например, в магазине обуви продавщица попросила Виолу вытащить язык, имея в виду язычок у ботинок, но Виола, не поняв девушку, действительно вытащила язык и сидела так долгое время, пока ее не приняли за сумасшедшую: – *Вам Маша посоветовала именно этот язык высунуть, –*

пояснила Анжела. Я перевела взгляд на кроссовки.– Это называется язычок! (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло).

Объектом языковой рефлексии может быть использование паронимов: – *Ангольских кроликов не бывает, – понеслось из полуоткрытой двери комнаты начальства, – грызуны называются ангорскими!* (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло).

Большое внимание в ироническом детективе автор уделяет лексической сочетаемости слов, что подтверждает, например, характерный рефлексив по поводу появления оксюморонных конструкций в рекламном тексте: *А теперь здесь торгуют подержанным шмотьем. Я снова остановилась, опустила сумки на ступеньки и вздохнула. Надо же, “Эксклюзивный секунд-хенд”, очень смешно звучит, вроде как “Самые вкусные обеды”* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).

Авторская рефлексия над фактами языка может быть вызвана оценкой образных выражений: – *Ха! – выкрикнула вдова. – Что, я тебя на кухне не видела? Сидела, улыбалась, крыса недоенная. Я хотела было возразить, что доить крысу – неблагодарное занятие* (Д. Донцова. Бассейн с крокодилами); *Я попыталась сохранить невозмутимое выражение лица. Несгибаемые камни! Емкий образ* (Д. Донцова. Темное прошлое конька-горбунка); *Я скосила глаза на партнера. “Зубы в живых останутся” – удивительно емкое выражение* (Д. Донцова. Император деревни Гадюкино).

В основе языковой игры может лежать нарушение логических норм. По мнению А.П. Сковородникова, «намеренно организуемые отклонения от логической нормы (алогизмы, или паралогизмы) выступают в качестве речевых (риторических) приемов, в отличие от логических ошибок» [Сковородников 2010: 56]. Например, Иван Подушкин вспоминает по случаю целый ряд выражений, демонстрирующих отклонение от закона достаточного основания: *А когда я, включив в недобрый час телевизор, попал на какое-то шоу, ведущий, высокий мужчина с радостным лицом идиота, громко воскликнул: “Летчик – тот же подводник, только летает”. Я не удержался от смеха, а ведущий продолжил: “Женщина – тот же мужчина, только лучше и добрее”. Мне стало совсем интересно, и я уткнулся в экран, а мужик просто сыпал афоризмами: “Мы сегодня меньше берем оттуда и больше туда”, “У нас в гостях не шалава, она проститутка”, “Никогда не испытывал ничего подобного к женщине противоположного пола”* (Д. Донцова. Тринадцать несчастий Геракла).

К данной группе примыкают иронические рефлексивы Донцовой над опечатками, см. характерный пример: *Я взгляделась в мелкие буквы. “Крем для бритья Хорьков”. –*

Хорьков? – удивилась я. – Но зачем их брить? Насколько я понимаю, хорек – такое не слишком крупное животное (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло).

Все приведенные примеры языковой рефлексии автора над фактами языковой игры приводят к созданию комического эффекта, способствуя тем самым привлечению внимания определенной целевой аудитории.

Вторую группу объектов языковой рефлексии в ироническом детективе представляют ошибки носителей языка, то есть ненамеренные (некреативные) отклонения от нормы. В частности распространены морфологические ошибки, связанные с образованием форм существительных или глаголов: *Я вовсе не собираюсь жить как вы, две чмы!* – Слово “чмо” не изменяется по падежам, – машинально поправила я разбушевавшегося подростка (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло); – *Граммов, – терпеливо поправил мужчина, – и не вешать. Взвешивать!* (Д. Донцова. Белый конь на принце); *Глагол “покласть” довольно часто можно услышать от неграмотных людей, на мой взгляд, он родной брат бессмертного “ложить”, но вот вариант “убедю” – личное изобретение Федорчук* (Д. Донцова. Темное прошлое конька-горбунка).

К особым проявлениям авторской рефлексии в ироническом детективе относятся рефлексивы по поводу использования нецензурных слов. Сами главные герои никогда их не употребляют и всегда реагируют на обценную лексику: *Белла осеклась, захлопнула рот, потом намного тише ответила: – Так ты только что сообщил: Клара с...а баксы. – Пожалуйста, не ругайся, – не выдержал я, – напротив, словно жаба изо рта выпрыгнула!* (Д. Донцова. Тринадцать несчастий Геракла); – *Нас развели как лохов! – Ваня! – подскочила Нора. – Какие выражансы! Я осекся. Действительно, ужасно! Никогда не позволяю себе ничего подобного, даже не предполагал, что знаю такие слова! Вот Нора, та способна послать вас по конкретному адресу* (Д. Донцова. Тринадцать несчастий Геракла).

В последних случаях рефлексивы выполняет воспитательную (дидактическую) функцию, поскольку автор детективов формирует у читателя иронически негативное отношение к ненормативной лексике.

Специфичны для произведений Д. Донцовой факты языковой рефлексии над функционально-стилистическими разновидностями языка. Автор привлекает внимание к языкам профессиональных сообществ, в частности, к особенностям речи милиционеров и учителей, с которыми почти в каждом детективе сталкивается главная героиня, отмечающая, к примеру, что у представителей правоохранительных органов давно выработан «особый» язык: *Я прикусила губу. Голову на отсечение даю – Рогачев бывший милиционер. Сидел в*

районе, потом вышел на пенсию и пристроился в охрану. Только сотрудник МВД способен произнести фразу “живой объект, предположительно собака”. Никогда не читали протоколы? Если нет, то и хорошо, лучше эти бумаги никогда не видеть. В них пишут порой странные вещи. Ни один сотрудник милиции не укажет: “на трупе золотая цепочка”. Нет, напишут так: “на шее украшение в виде цепи из желтого металла, предположительно золота”. Или “изъята подушка с красными пятнами, похожими на кровь”. Даже если на застежке стоит проба, а подушка лежит на раненом человеке, милиционер не имеет права делать выводы. Вот проведут экспертизу и установят, что и как называется (Д. Донцова. Лягушка Баскервилей).

Другой пример – рефлексия над канцеляритом в речи учителей. Главные герои не работают в школе, но тесно связаны с ней через своих детей или детей друзей, знакомых. Например, Виола Тараканова живет у подруги и занимается школьной жизнью ее старшей дочери, нередко иронизируя по поводу записей в дневнике: *Следующая запись вызвала у меня нервный смех. “В столовой стучала зубами”. А чем там еще надо стучать? “Не по-человечески сидит на стуле”. “Весь урок искала зашвырнутую вещь, злостно ухмылялась, вытирала нос платком, а потомложила его на стол”. Для меня осталось загадкой, что клала Кристина на парту: нос или платок? Кстати, автором последнего перла оказалась учительница русского языка (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).*

В представленных примерах рефлексивы выполняет еще одну функцию – характерологическую, позволяющую автору иронического детектива создать дополнительные характеристики определенных персонажей.

Таким образом, языковая рефлексия, которая проявляется не только в отдельных авторских высказываниях, но и лежит в основе целых эпизодов, в ироническом детективе играет особую роль. Ее объектами выступают языковая игра на разных уровнях языка, речевые ошибки носителей, использование нецензурных выражений героев, профессиональные языки и жаргоны. Разнообразие объектов обуславливает выполнение различных функций языковой рефлексии: создание комического эффекта, характеристика персонажей, а также лингвистическое «воспитание» и просвещение читателя, развитие его речевой компетенции.

Список литературы

Богучарская Е.В. Иронический детектив: проблема жанра // Сборник материалов XIV всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри с международным участием. Нерюнгри: СВФУ, 2013. С. 343–346

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня. М.: Флинта, 2009. 424 с.

Подберезкина Л.З., Трапезникова А.А. Языковая игра в коммерческой номинации (на материале эргонимии Красноярска) // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора А. П. Сквородникова / Сибирский федеральный университет; под ред. Г. А. Копниной. – Красноярск, 2009. С. 240–244.

Сквородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстообразования: коллективная монография. Красноярск: СФУ, 2010. С. 50–62

Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 810–811

References

Bogucharskaya E.V. Ironicheskiy detektiv: problema zhanra [The ironic detective: problem of genre]. Sbornik materialov XIV vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov v g. Neryungri [Collection of texts of the XIV-th all-Russia scientific Conference of young scientists and graduate students in Neryungri]. Neryungri: SVFU, 2013. Pp. 343–346

Karasik V.I. Yazykovaya matritsa kul'tury [The linguistic matrix of culture]. M.: Gnozis Publ., 2013. 320 p.

Kupina N.A., Litovskaya M.A., Nikolina N.A. Massovaya literatura segodnya [The mass literature today]. M.: Flinta Publ., 2009. 424 p.

Podberzskina L.Z., Trapeznikova A.A. Yazykovaya igra v kommercheskoj nominatsii (na materiale ehrgonimii Krasnoyarska) [The linguistic game in commercial categories (on the material of ergonems of Krasnoyarsk)]. *Rechevoe obshhenie i voprosy ehkologii russkogo yazyka: sbornik nauchnykh rabot, posvyashhennyj 80-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora A. P Skovorodnikova* [Verbal communication and questions of ecology of the Russian language: collection of scientific works issued to the 80-th birthday of Professor A.P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2009. Pp. 240–244.

Skovorodnikov A.P. Ob opredelenii ponyatiya yazykovaya igra [About the definition of linguistic game]. *Igra kak priem tekstoporozhdeniya* [The game as a way of text creation]. Collection papers. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2010. Pp. 50–62

Shmeleva T.V. Yazykovaya refleksiya [The linguistic reflection]. *Kul'tura russkoj rechi* [The culture of the Russian speech]. Encyclopedic dictionary. M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2003. Pp. 810–811.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Подберезкина Лилия Зуфаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации.

Сибирский федеральный университет.

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: Lilli@akadem.ru

Богучарская Евгения Владимировна, магистрант кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет.

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: evgenia.bogucharskaja@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Podberyozkina Liliya Zufarovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: Lilli@akadem.ru

Bogucharskaya Evgeniya Vladimirovna, Graduate student on Master's Program at the Department of Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: evgenia.bogucharskaja@yandex.ru